

— Ты не находишь, что я сейчас похож на тех древних принцесс, которые не могли ходить из-за туго забинтованных ног?

Сун Хайлинь бросил на него презрительный взгляд:

— Никто так о себе не говорит.

— Главное здесь — это описание тебя, — усмехнулся Су Шэнь, — слуга принцессы...

— Да заткнись ты уже! Это типичный пример того, как добро возвращается бумерангом.

— Эй, маленький черныш? — Су Шэнь поддел его, изменив голос.

Сун Хайлинь, по привычке, быстро ответил:

— Да, господин.

Су Шэнь засмеялся, его смех напоминал гоготание гуся, и он никак не мог остановиться.

— Брат, — вдруг серьезно произнес Сун Хайлинь.

Смех Су Шэня постепенно затих, и он посмотрел на Сун Хайлиня, ожидая продолжения.

— Честно говоря, — прищурившись, сказал Сун Хайлинь, — ты ведь мастер комедийных диалогов, верно? Давай бросим учебу и создадим комедийный дуэт.

— Я буду ведущим, а ты — подыгрывающим, — сказал Су Шэнь. — Тогда ты не сможешь называть меня братом, а будешь звать отцом.

— С чего это?

— Ты что, никогда не слышал комедийных диалогов? Подыгрывающий всегда называет ведущего отцом.

— Никогда не слышал! — возмутился Сун Хайлинь. — Почему бы тогда не заставить меня звать тебя дедом?

— Это уже слишком старо, я молод и красив.

— Лучше бы я тебя не бил.

— Эй, сынок, — протянул Су Шэнь.

— Я тебя отцом не называл.

— Эй, сынок.

Су Шэнь продолжал наслаждаться темой «сын-отец», когда Сун Хайлинь вдруг сказал:

— Если ты настаиваешь на том, чтобы называть меня сыном, то ты должен взять на себя отцовские обязанности и содержать меня.

— Что? — Су Шэнь все еще смеялся. — Ладно, ладно, буду содержать.

— Содержать меня недорого, — начал подсчитывать Сун Хайлинь, загибая пальцы. — Я ем немного, три раза в день, иногда с ночным перекусом, но в каждом приеме пищи должно быть мясо, овощи, суп... Сто юаней в день хватит. Одежду покупаю раз в месяц, еще нужно давать карманные деньги, а если хорошо сдам экзамены, то лучше бы получить дополнительную награду...

Не дожидаясь, пока он закончит, Су Шэнь перебил:

— У меня нет такого сына.

Как только Су Шэнь закончил, Гу Янь вошел в комнату с членами Шайки трусов. Группа села, и Гу Янь, немного смущаясь, подошел к Сун Хайлиню и положил на его стол листок.

— Эм... — Гу Янь немного замялся. — Ты будешь участвовать в спортивном мероприятии?

Сун Хайлинь взглянул на листок. Члены Шайки трусов уже заняли половину списка, и даже имя Толстяка было вписано. Легкие соревнования уже были заполнены, оставались только пятикилометровый забег и стометровка — одно на выносливость, другое на скорость.

Гу Янь сказал:

— Каждый может участвовать максимум в двух соревнованиях. В нашем классе не хватает людей, завтра соревнования, и я должен сдать список до начала уроков. Может, ты запишешься на эти два?

Видя, что Сун Хайлинь молчит, он продолжил:

— Я... я видел, как ты дрался, думаю, ты справишься с пятикилометровым забегом. Это ради славы нашего класса...

Пока он говорил, Сун Хайлинь даже не слушал, он лишь взглянул на Су Шэня.

Су Шэнь, заметив это, тоже посмотрел на него.

Гу Янь быстро передал Су Шэню взгляд с мольбой о помощи, выглядев при этом жалко.

— Если выиграешь, сможешь поднимать флаг на неделе, — сказал Су Шэнь. — Может, ты все же поучаствуешь? Я бы хотел стать знаменосцем.

— Правда? — спросил Сун Хайлинь.

Су Шэнь не ответил.

Гу Янь воспользовался моментом и снова протянул листок:

— Запишись, может, сможешь стать знаменосцем.

— Мы еще даже не выиграли, — раздраженно сказал Сун Хайлинь.

Еще даже не выиграли, а уже распределяют роли.

К тому же, он совсем не хотел быть знаменосцем. Он хотел быть защитником «знаменосца».

Он взял ручку со стола и вписал свое имя в два пустых поля.

Тем временем список для девочек был у Толстяка.

В классе с естественными науками девочек и так мало, и практически все должны были участвовать. Толстяк взял на себя задачу «распределить» соревнования среди девочек, спрашивая каждую, что она хочет.

Когда он дошел до Мошки, она вписала свое имя в прыжки в длину. Можно было бы на этом закончить, но Толстяк решил подшутить и указал на пятикилометровый забег для девочек, сказав:

— Запишись и на это, я приду поболеть за тебя.

— Не запишусь, — резко ответила Мошка, взяла ручку и продолжила решать задачи.

Ее голова излучала свет истинного любителя учебы.

— Запишись, наши девочки все как цыплята, только что вылупившиеся, они не смогут пробежать, — бездумно сказал Толстяк.

Услышав это, Мошка бросила ручку и сказала:

— Ты хочешь сказать, что я мощная и сильная?

— Нет-нет, — поспешно замахал руками Толстяк.

Мошка была немного выше, но все равно выглядела худой, максимум — чуть более крепким цыпленком.

Честно говоря, Толстяк не хотел дразнить Мошку, наоборот, она ему нравилась, поэтому он всегда к ней подходил.

И тогда Шайка трусов дала ему совет.

Совет был следующим:

— Ты можешь бежать рядом с ней, когда она будет уставать, подбадривать ее, пробежать весь путь вместе, а потом дать ей бутылку воды. Это точно сработает.

Звучало неплохо, но этот совет провалился на первом же шаге.

Ни одна девочка добровольно не побежит длинную дистанцию.

Толстяк, в своей простоте, в спешке сам написал имя Мошки на листке, криво выведя «Гао Сяоди»:

— Я записал тебя, не переживай, мы все будем за тебя болеть.

Гао Сяоди повысила голос:

— Чжоу Сюнь, ты что делаешь?

Она потянулась, чтобы забрать листок.

Толстяк инстинктивно отстранился и быстро побежал к своему месту, Мошка побежала за ним, тянулась через стол, чтобы забрать листок. Толстяк, не очень ловкий, резко двинулся вперед и сдвинул стол на несколько метров.

В этот момент Сун Хайлинь как раз дописывал последний иероглиф в своем имени.

Стол ударил Гу Янь'эр в бок, она стояла рядом, наклонившись, чтобы посмотреть, как Сун Хайлинь пишет свое имя, и, не ожидая удара, по инерции толкнула Сун Хайлиня.

Сун Хайлинь, и так с трудом писавший стоя, потерял равновесие и упал на Су Шэня.

Перед тем как упасть, он успел ухватиться за стол, чтобы не опрокинуть Су Шэня, который сидел на стуле.

В результате Сун Хайлинь полностью потерял контроль и буквально обрушился на Су Шэня.

Его ухо задело кончик уха Су Шэня, плечо крепко ударилось о Су Шэня, он схватился за стол, чтобы остановить себя.

Большая часть его тела прижалась к Су Шэню, ухо, которое только что задело, горело, как будто его сварили, сердце билось так сильно, что казалось, оно синхронизировалось с сердцебиением Су Шэня.

Через несколько секунд он резко оттолкнулся и отступил на несколько шагов.

Су Шэнь поднял на него взгляд.

Сун Хайлинь даже не посмел посмотреть на него, весь в огне, он пнул стол Толстяка.

Гу Янь'эр схватила листок и убежала, Мошка, которая и так его боялась, быстро вернулась на свое место.

Остался только Толстяк, который, казалось, оставил мозг дома, и все еще улыбался:

— Извини, что толкнул тебя.

На улыбающегося человека рука не поднимается.

Сун Хайлинь был полон гнева, но не мог его выплеснуть.

Он снова пнул ножку стола Толстяка.

Этот удар, кстати, выровнял стол, и Толстяк, не задумываясь, поблагодарил его.

Во многом этот гнев был вызван тем, что Сун Хайлинь просто искал, чем бы заняться.

Странно.

Это был обычный контакт, никаких причин для такого сердцебиения, если бы оно продолжалось, пришлось бы вызывать скорую.

В момент, когда он упал на Су Шэня, он почти потерял все чувства, только легкий запах лимонного стирального порошка проник в его нос, и в голове крутилось: «Как же приятно пахнет, как же приятно пахнет».

На следующее утро, стоя у раковины и стирая свои трусы, Сун Хайлинь понюхал свое мыло — тоже лимонное, но почему-то оно не пахло так приятно.

Он, пока бабушка и дедушка еще не встали, быстро постирал трусы и повесил их в незаметном месте, прежде чем вернуться в комнату.

<http://bllate.org/book/15285/1350501>